

MAXIME

Обратная тяга

Maxime

Обратная тяга

«Издательские решения»

Maxime

Обратная тяга / Maxime — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961929-7

Витя и Алекс — друзья с детства. Алекс — профессиональный баскетболист, Витя тоже парень не маленький. На дворе лето, парни скучают без женской ласки. Однажды Витя встречает Олю и Катю — бывших одноклассниц младшего брата. Девушки подросли и созрели для серьёзных отношений. Но что-то идёт не так. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-961929-7

© Maxime
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	17
7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Обратная тяга

Maxime

© Maxime, 2019

ISBN 978-5-4496-1929-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи являются вымышленными и на момент совершения действий интимного характера достигли совершеннолетия. Любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно.

© Maxime writemaxime@gmail.com

Chpok Publishing <https://chpok.club>

1

– Высоких тёлочек очень мало. А красивых среди них вообще не бывает, – авторитетно заверяет Алекс. Скептицизм в его голосе подавляет монструозностью заговора.

Мы идём по центральной улице города, внимательно сканируя местность на предмет наличия этих самых мифических высоких и красивых тёлочек. Середина лета, каштановая аллея, отделяющая проезжую часть от широкого в мелкую плитку тротуара, по которому мы едва тащим ноги, буйно бует слева по борту зелёной пахучей стеной.

– Просто мы не там ищем, – сокрушённо замечаю в ответ.

В глубине души я давно согласился с Алексом: высоких, красивых, да к тому же незамо- роченных, то есть свободных от глубоко порочных, то есть абсолютно аморальных отношений днём с огнём не сыщешь.

Кроме того, есть ещё одна немаловажная деталь, портящая всё вокруг гламурностью определения, ломающая на излом копытами небезызвестного мальчика с луком, наматывающая на колёса тяжело груженой в хлам телеги, именуемой в простонародье жизнью. Я имею ввиду, конечно же, обратную тягу или любовь-морковь, как её принято величать в наших светских незамутнённых расовой дискриминацией кругах.

Даже если нам повезёт найти одну такую редкую в урбанизированном ландшафте тёлку- зверушку, то есть все критерии поиска сойдутся, звёзды, так сказать, укажут на дичайший исполинский секс великанов, нет абсолютно никакой гарантии, что высокая красавица-фри- лансер захочет замутить с одним из нас долгоиграющий проект бэби-фри. О конкуренции речь не идёт. Если фрилансерша выберет себе для разведения лобковых вшей Алекса, я только порадуюсь за парня.

– Я вот тоже думал поискать в других местах, – после затяжного молчания напоминает о проблеме насущной Алекс. – Сходил однажды на волейбол. Думаешь, у них там парней нет? – кислая ухмылка озаряет жизнерадостный фейс напарника. – Как же, жди. Набежало как тараканов.

Алекс – профессиональный баскетболист. В свои двадцать с хвостиком лет он успел добиться места центрового в городской команде. Стокилограммовый двухметровый боров с лёгкостью проскальзывает под кольцо и закладывает сверху. Но сейчас его мячики горят другим, первозданным огнём. Он хочет засадить в кольцо вульвы огромный болт, хоботом болтающийся у него между ног. Как я его понимаю! Однажды в парилке мне довелось лицезреть агрегат Алекса. Зрелище устрашающее, уж точно не для слабонервных барышень, особенно, если сидишь на нижней лавке, а Алекс колышется перед самым носом.

Я тоже парень не маленький, всего лишь на десять сантиметров ниже Алекса. В плечах пошире, но пошёл по стопам отца, то есть в технический вуз. Спорт меня интересует постольку- поскольку. Мы часто зависаем с Алексом в качалке. Вот там и раскрывается мой настоящий талант притягивать к себе железо.

Но не баб...

– Таракан таракану рознь, – с расстановкой замечаю я.

– Что ты имеешь ввиду? – Алекс хмурится, улыбаясь сквозь кисло-сладкое выражение томящегося без секса атлета.

«Воздержание! Недельное воздержание!» – кричит его тестостероновый взгляд. Вскормлённый в неволе орёл молодой полирует меня дружеским презрением.

– Что имею, то и введу, – мои брови взлетают.

Оба ржём как ненормальные. Набирая ход, уходим с просторов саванны, то есть проспекта. В поисках вагины обетованной скрываемся на дворовых задворках, то есть в улочке

без названия. Приятный маленький ресторанчик, затиснутый в узкие рамки сталинской ментальности, распахнул нам свои объятия свободными местами в тени.

2

Алекс и я патрулировали город два-три раза в неделю. Всё безрезультатно.

– Они все свалили на море, – ныл Алекс.

Я не мог не согласиться. Красивые бабы действительно будто вымерли, остались дурёхи-планктон. Офисная моль, снующая в обеденное время по забегаловкам и бутикам. Лишь к концу августа ситуация на рынке вагин начала проясняться.

Алекс уехал на сборы, и я остался один разгрести хлам предосеннего марафона за знаниями.

###

Однажды, гуляя по парку от метро домой, я столкнулся с Олей и Катей – двумя барышнями, учившимися когда-то в одном классе с моим братом. Они были на три года моложе меня, брат увивался за Олей в шестом классе, она часто заходила к нам в гости. Что касается Кати, её я увидел впервые. Эта восемнадцатилетняя девушка, вчерашняя девочка, цвела и пахла первозданной красотой. Я сразу влюбился в неё, хоть и не подал виду.

Мы разговорились.

– Как дела у Егора? – поинтересовалась Оля.

Видимо, она не отпускала надежду вновь развести моего брата как лоха, продинамить, высосать и выкинуть его на помойку. По легенде она мотросила братэллу два года, дальше поцелуев дело не заходило. Вынос мозга на носилках ногами вперёд и полное психическое истощение, граничащее с неврозом, – вот и всё, что вынес мой братик из этой платонической связи.

– Замечательно, – самодовольно отозвался я.

Егор действительно вынес большой глубокомысленный урок из первой любви в девственности-чистоплюйку. Поднявшись, он не спеша смахнул пыль с колен и тут же замутил порнографичный роман с красоткой из девятого «Б» класса. Сам он был тогда в десятом. В этот раз одними поцелуями дело не обошлось. Об этом знали все, даже не такие посвящённые в развратные утехи молодых люди, как я.

Оля грустно вздохнула. Она серьёзно поднялась в плане внешности. Я помнил её неуклюжим худощавым подростком. Выпустившись из школы, она расцвела как осенняя хризантема. Обладая фигурой фотомодели, эта девушка умудрялась фарсить, как по подиуму, где угодно – в парке, на остановке, в магазине.

Она была худая, как доска, таких ещё называют в простонародье «вешалка». Русые длинные волосы, ровные, словно лён, сплошной стеной спадали на плечи и спину до самой попы. Водопад этих волос мерно покачивался над упругими ягодицами, завораживая, отвлекая всё моё внимание от Кати. Оля часто заходила вперёд, демонстрируя прелести модельной фигуры. Красочно разворачивалась на мостике, выставляла ножку вперёд, улыбаясь с невинной жеманной грацией прелестницы. Она была в чёрной обтягивающей юбке, по традиции короткой, таких же чёрных балетках с бантиками и белой маечке с пикачу на груди, то есть её отсутствию.

Грудей у Оли не наблюдалось, даже холмиков не просматривалось. Собственно, этот момент и стал определяющим в моём пристрастии к Кате. У неё две упругие дыньки второго или даже третьего размера буквально прыгали мне в глаза каждый раз, когда мой взгляд невольно находил их. Катя была ростом метр шестьдесят с кепкой, то есть самой маленькой в нашей компании. Оля остановилась где-то на метр-семидесяти. Я же возвышался над ними со своим метром девяносто.

Катя дышала мне в грудь, а мне так хотелось поцеловать её сладенькие розовые губки, схватить её за сочные ягодицы, притянуть и насадить их на мой колом бугрящийся член.

Впрочем, ни о какой эрекции речь в тот день не шла. Во всяком случае на прогулке я оставался предельно вежливым и внимательным мальчиком. Паинькой.

Мы зашли глубоко в парк и остановились возле лавочки.

– Я бы хотела жить в Париже, – делилась фантазиями Катя. – Там есть такая улица, где живут только художники.

Мы общались о том, кто кем хочет стать. Катя горела желанием выучиться на художницу и свалить за границу.

– Надеюсь, это случится не скоро, – сдуру ляпнул я и тут же прикусил язык.

Но было поздно.

– Почему? – Катя нахмурилась.

– Будет очень жаль, если такая красивая девушка покинет нас.

Катя улыбнулась, бросая коварный взгляд в сторону Оли. Та сияла притворным равнодушием, хотя в глубине души явно почувствовала себя уязвлённой.

– Ты тоже, Оля, не уезжай, – жалостливо проскулил я.

Девушки рассмеялись. В их смехе чувствовалась напряжённая враждебность по отношению друг к другу. Красавица Оля не могла стерпеть такого откровенного пренебрежения её достоинствами. Она не могла понять, что моё отношение к ней формируется прежде всего на основании опыта, полученного братом. Это я стал соучастником той драмы, я переживал все взлёты и падения развернувшейся тогда Санта-Барбары. Я теперь невольно вершил правосудие, выбирая из двух девушек менее притязательную в плане фотомодельности, но невероятно сексуальную и обворожительную в плане любви и обещания счастья.

Катя была в белых джинсовых шортиках и белой маечке. Стройные ножки были обвиты почти до колен длинными кожаными ремешками римских сандалий, которые тогда только вошли в моду. Лёгкая россыпь веснушек под карими глазками и милые губки, подкрашенные блестящим лоском от обветривания, обещали незабываемые райские поцелуи. Она и смеялась задорно и заразительно, засунув ладошки в задние кармашки шортиков, пританцовывая на утрамбованной дорожке парка. От этого смеха глаза её слегка щурились, искрились беззаботным весельем.

Она была бесконечно рада, что так незатейливо утёрла нос визуально более гламурной подруге. Её почти чёрные, цвета тёмный каштан волосы сбились слегка на ветру. Эти волосы не были такими длинными и идеально ровными, как у Оли, зато их глубина и объём, их слегка слипшийся, потерявший свежесть характер, их укладка руками на разный манер по бокам, лишь бы пробор посередине не терялся – всё это завораживало и укрепляло меня в мысли, что я хочу эту девушку, хочу обладать ею, любить её и поклоняться гению её красоты.

Таким наивным я тогда был!

Затяжным взглядом я гладил Катины сиськи, скатывался по ровному упругому животу к пуговкам джинсовых шортиков, нырял и обсасывал эту прелестную округлую попку, по-женски красиво расходившуюся в бёдрах. Маечка едва сходилась с шортиками, открывая невероятные участки смуглой кожи с детским жирком на спине и животике. Ножки кудесницы моего счастья, обвитые кожаными ремешками, продолжали триумфальное торжество красоты над пониманием человечества о гранях прекрасного.

Пока я так пялился на Катю, Оля презрительно ухмылялась. Потеряв надежду привлечь к себе мой интерес, она упивалась сарказмом:

– Может, нам всем переехать в Париж?

Мы опять рассмеялись. Каждый по-своему понимал, что такая перспектива нам совсем не светит.

3

Моя влюблённость в Катю переросла в первое свидание. Сколько радости я испытал, получив положительный ответ на предложение «просто погулять». Ведь погода стояла прекрасная, летние тёплые вечера продолжали манить молодёжь на улицы города, разбивать их на пары, уединять в тихих уголках с местами для поцелуев.

Катя пришла в белых шортах, маечке и тех же сандалиях, поразивших меня при первом знакомстве навязчивостью связывания. Словно красиво упакованный подарок, эта девушка выглядела сногшибательно в моих глазах. Впрочем, разница в росте тут же дала о себе знать. Каждый раз, окидывая возлюбленную болезненным взглядом вожденца, я прикидывал, как лучше её поцеловать. Куда можно поставить девушку, чтобы наши лица очутились на одном уровне?

Сиськи Кати, её попа вновь будоражили моё воображение. Я не мог отвести глаз от маленькой женщины с детским личиком. Как рано она налилась соком. Только вчера вылилась из школы, и вот уже обзавелась такими выдающимися формами. Что касается лица, то здесь всё оставалось предельно юным и непорочным. Так мне тогда казалось.

Трёхгодичная разница в возрасте тоже ощущалась. Катя витала в облаках, детская наивность и юношеский максимализм парализовали наше общение. Я погрузился в чужие мечтания о блестящей карьере художника. Рассказы о Катином дедушке, когда-то нарисовавшем одну гениальную картину, которую к счастью никто не оценил, преследовали меня всё свидание.

Подходя к Катиному подъезду, я ощутил лёгкую дрожь в груди. Волнение нарастало. Вот он решающий момент: сделает Катя меня сегодня счастливым, или всё пропало?

Катя сама взошла на ступеньки. Ей понадобилось две, чтобы посмотреть на меня практически в упор.

– Можно тебя поцеловать? – учтиво осведомился я после затянувшихся словесных прелюдий, перешедших в расшаркивание и даже некоторое многозначительное молчание. Ведь я был таким вежливым и элегантным. Мой образ романтизированного старшего брата Егора, серьёзного и во всех отношениях правильного, хорошо вошёл в сознание Оли и Кати. Я чувствовал себя старшим, чуть-чуть более опытным, сведущим в общении с девушками. Знающим, как правильно ухаживать и добиваться внимания молоденьких барышень.

Катя легонько кивнула, краснея и отводя глаза. Я тоже волновался безумно. Накрыв её тонкие гладенькие губки, я наконец растворился в самом сладком и возбуждающем поцелуе в моей жизни. К стыду своему я скоро вынужден был осознать, что Катя целовалась намного лучше меня. Во всяком случае первые секунд двадцать я только и думал о том, как бы не облажаться, доставить ей удовольствие. Мне реально снесло крышу, руки, которыми я боялся пользоваться, оставались на Катиной талии. Лишь неловкими поползновениями опустил я на попу возлюбленной. Наконец, почувствовав массивные упругие мячики ягодиц под своими пальцами, я испытал сладостный зуд полового возбуждения. Мой неловкий поцелуй перешёл в активную фазу.

Катин запах, её мягкие нежные филейные части, прощупанные мною в тот вечер под бархатной кожей, её девчачья одежда, объятие, её женственные руки и плечи, оголённые, опустившиеся вокруг меня во время поцелуя, и главное – её согласие, желание страстно целоваться со мной, свели меня с ума.

Как истинный джентльмен, я решил признаться в чувствах, не отходя от кассы:

– Я люблю тебя, – произнёс я, когда мы наконец оторвались друг от друга.

Катя улыбнулась задорной улыбкой кудесницы мужского счастья и, сделав два шага назад, вверх по лестнице, словно извиняясь, загадочным голосом произнесла:

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил я.

Мне казалось, что вот оно счастье. Свершилось! Я люблю эту маленькую невероятно сексапильную, обворожительную девушку. Её голубые глазки светятся взаимностью, её губки не могут врать. То, что между нами произошло, – это лишь начало. Большая и светлая любовь ждёт нас в этом безоблачном мире счастья и добра.

Так мне казалось в тот вечер, я плыл к своему дому в дурмане счастья. Я ещё не знал, что у жизни свои планы на будущее.

4

Мы встретились с Катей ещё пару раз. Ей вдруг понадобилось уехать к тётке на две недели. Ох уж это ужасное время томления в ожидании развязки. По телефону она ненавязчиво требовала новых признаний.

– Я люблю тебя, – завершал я неловкое общение. – Сладких снов, зая.

Наши разговоры скатились до детского лепета сразу после первого поцелуя. Я больше не чувствовал себя старшим и более опытным. Наоборот, я вдруг начал бояться любого неправильного жеста или слова. Я будто заикнулся на своих чувствах к Кате, не замечая назревавшую беду.

###

Катя вернулась через две недели и почти сразу огорошила меня обратным признанием. Разговор состоялся по телефону, я слёзно просил аудиенции, она искала занятия поважнее в своём крайне загруженном графике.

– Ты хороший, Витя, даже очень, – извинялась она. – Извини, что так получилось, но я не могу с тобой встречаться, просто не хочу тебя обманывать. Я не люблю тебя.

Её слова прозвучали как гром среди ясного неба. Если можно представить себе небо, внезапно потемневшее, солнце, зашедшее за тучу, темноту, наступившую в жаркий солнечный день, то именно так я себя почувствовал в тот вечер.

Повесив трубку, я повалился набок, накрыл лицо ладонями и долго лежал так неподвижно. В голове моей безумствовал пожар первой неоправдавшей себя надежды на безумную, безудержную, бесповоротную большую и чистую.

Любовь.

Это слово, так часто повторённое в последнее время в голове и для Катиных ушей, ставшее талисманом, залогом моих чувств, внезапно стало ужасным, невыносимым, остро-режущим, колющим и давящим прямо в сердце.

Я жалел себя. Как же мне было жаль себя, своих желаний, чувств, душевных переживаний! Если бы не мужская выдержка, я бы наверняка разревелся как баба.

Но я держался. Взяв волю в кулак, я отправился на пробежку в близлежащий лес.

###

Было холодно, темно и сыро, моросил дождь. Слякоть под ногами превращалась в грязную кашу, с каждым шагом ноги в кроссовках всё больше намокали. Но я не обращал внимания, бежал себя без оглядки, истязал своё брэнное высушенное любовью тело до острой одышки.

Передохнув, я вновь ускорялся. Прыжки по лужам становились опасными. В темноте я едва различал очертания дорожки. В тот знаменательный вечер я много всего передумал. И про изменчивость женской натуры, и про личное несовершенство, не позволяющее мне добиваться желаемого. Я чувствовал себя неудачником, самым отверженным и брошенным человеком на земле.

За час я пробежал пятнадцать километров. Это очень много и очень быстро. Но для молодого человека с легкоатлетическим прошлым, с огнём бушующим в душе, это как раз плюнуть. Домой я пришёл едва волоча ноги. Быстро принял душ, повалился в постель и забылся тяжёлым беспокойным сном.

Примерно в это же время вернулся со сборов Алекс. Он хорошо отдохнул, набрался сил. Морской воздух и крымское солнце пошли на пользу человеку-горе. Вытесанный из камня, загорелый исполин прыгал по дворовой баскетбольной площадке как кенгуру. Такой прыти и силы даже я, выдавший Алекса в деле, давно не наблюдал.

– Не горюй, – рычал мой азартный друг, обходя меня под кольцом. – Найдёшь себе другую бабу, получше этой.

Мужская солидарность, холодный расчёт и даже некоторый цинизм в голосе Алекса заразили меня пофигизмом. Я быстро оттаял, засмеялся. Жизнь налилась красками, лёгкость, с которой парни меняют девчонок налево и направо, собирают урожай телефончиков, чтобы потом вызванивать их пачками, приглашая по две-три на свидание в течение дня, вся эта эйфория безнаказанного блудливого жора, по-другому и не скажешь, наполнила меня обещанием долгие вета.

Алекс тоже поделился историей любви. Оказалось, что в соседнем корпусе места, где их команда квартировалась на сборах, жили гимнастки-художницы. Так их называли за художественную гимнастику. Маленькие, гибкие, лёгкие и прыгучие бестии. Мишки Гамми, мышки – юркие и вертлявые на танцах. С одной из таких девочек-художниц наш герой и замутил небольшой курортный романчик. Чем всё закончилось, я так и не понял. Был ли там секс?

Алекс отвечал витиевато. Девушка, мол, слишком быстро уехала. Времени не хватило, чтобы насладиться жизнью сполна.

– Вот так всегда! – сокрушался я вслух, радовался в глубине души, чувствуя, что теперь нас с Алексом объединяет одно общее горе на двоих: любовь прерванная, не отвеченная, вырванная с корнем и растоптанная паршивыми жизненными обстоятельствами.

– Бабам нравится, когда за ними бегают, – баском ревел Алекс. – А ты не бегай, стой на месте. Она сама к тебе приползёт.

Он учил меня держать оборону под кольцом. Сравнение ситуаций заставило нас отложить мяч и взяться за живот. Мы вновь ржали как ненормальные, старые школьные друзья. Алекс учился с нами до пятого класса, потом ушёл в спортивную школу.

5

Женское сарафанное радио не имеет границ. Кто бы мог подумать, что моя мама возьмёт себе в голову неудачу, постигшую меня с Катей, раскрутит её до трагедии вселенского масштаба и сольёт врагу.

Во-первых, необходимо сказать два слова о моей родительнице. Если есть на свете человек, способный знать обо всех любовных развитиях, нутром чуют кто кого бросит, а кто за кем будет волочиться до гроба, то это моя мама. Взяв на себя такую активную жизненную позицию сводницы по сути, человека, всюду сующего свой нос по факту, моя мама неустанно следила за делами любовными своих сыновей.

Как продвигаются дела духовные, то есть на личном фронте, она знала лучше нас самих. Поэтому от её зоркого бдительно взора родительницы не могли ускользнуть вопиющие факта моей посттравматической депрессии.

– Катя бросила его. Вот так вот, – рассказывала она уже через пару дней Олиной маме по телефону. Они тесно общались со времён платонической щенячьей связи Егора и Оли. – Поматросила да и бросила!

Я в ужасе отпрянул от двери. Не так я себе представлял позиционирование на рынке вагин.

Да что уж теперь терять, думал я. У мамы всё равно своя правда. Слила сына конкурентке в одночасье. Вот так вот я стал рыцарем разбитого сердца. Превратился в страдальца, сохнувшего по вертихвостке-первокурснице.

Мама склоняла Катю как только можно. Чувствуя заботу матери, я и сам наполнялся гневом праведным. Унижение отверженного и обида неудачника действительно просыпались ночными бдениями. Я стал угрюм, подавлен, замкнут. Общение с Алексом хоть и приносило временное утешение, не могло избавить меня от мысли, что я ужасно глуп, что я обнажил душу перед девушкой, и та заставила меня страдать.

Обида закипала в ярость, я бежал спасаться в лесу, вновь носился как угорелый по тоскливым разбитым дорожкам.

– Оля тебя очень жалеет, мама её сказала, – заикнулась однажды вечером мама.

Я представил себе эту картину: красавица Оля, которая и в шестом классе поглядывала на меня с интересом, которая всегда уважала меня и был даже разговор о том, что «ей бы больше подошёл старший брат», что вот теперь эта красотка, увлечённая модельным делом, дефилирующая по подиуму время от времени на местных показах мод, жалеет меня. Катя мол оказалась такой ветреной. Перед глазами вновь повсплывали нюансы отношений между вчерашними одноклассницами.

«Неужели Оля влюблена в меня?» – ломал я себе голову.

Подобное развитие идеально ложилось в картину, нарисованную братом, мамой, её мамой, моим редким незатейливым общением с Олей.

Я всегда держался с ней налегке, как с младшенькой сестрицей. Почувствовав себя временно сломленным, я по-прежнему находил забавным фантазировать о наших с ней отношениях. Я не мог воспринимать её серьёзно, не чувствовал зудящего жжения, боли, которую Катя показала мне. Тем не менее, мне несомненно льстило, что такая красотка, хоть и не в моём сексуальном вкусе, обратила на мою скромную персону свою заботу и жалость.

Она редко попадалась мне на глаза без парня или подруги. Парни вились вокруг неё с детства. Мы жили в соседних домах, я регулярно наблюдал из окна или гуляя по парку, как Оля в компании молодых людей мужского пола дефилирует, точно так же красуется, как во время нашей знаменательного августовской встречи.

Она несомненно пользуется спросом, думал я про себя. – И спросом немалым.

Неудивительно. Многим парням нравятся такие спортивные худышки с такими длинными распущенными волосами, с такими ангельскими личиками. Оля была куколка, умница к тому же. То есть отличница, закончившая школу с золотой медалью. Кроме того, по заверениями знакомых она отлично играла на гитаре и во время выдачи дипломов на сцене школьного актового зала устроила настоящий фурор, эпатажно прошвырнувшись по проходу, взойдя на сцену красочной осанистой походкой кошки-манекенщицы. Под завистливое пшиканье одноклассниц и радостного улюлюканье мальчишек выставила традиционно правую ножку вперед, а, получив диплом, исполнила под гитару незамысловатую песню, взорвавшую весь зал.

Слова песни сводились к простому «вы учитесь тут, а мы полетели дальше». Вот такая вот она Оля-затейница, девушка, отказавшая моему брату в плотской любви.

Меня забавляла и раздражала ситуация с моим страданием, вывешенным напоказ. Сообщение по сарафанному радио, что Оля соперничает моему горю, вызвало лишь злую усмешку с моей стороны.

«Ну конечно! – думал я. – Она просто до сих пор не может вынести горечь поражения. Всё, что её интересует в этом деле, это конкуренция с Катей».

Мама рассказывала непередаваемыми дословно внушениями, что «Оля считает, что я бы подошёл ей больше, чем Егор». Что когда я выбрал Катю, Оля сильно расстроилась, что она до сих пор сильно переживает за меня.

Мамы – такие мамы.

Уверен, что и с той стороны шла активная проработка всех доступных вариантов. Наши страдания обмыливали на все доступные лады. Когда масла в огонь подливает собственная родительница, то и сам невольно начинаешь чувствовать себя мучеником. В некотором роде мне даже нравилось чувствовать себя в праве обижаться.

«Виноваты в моих страданиях все и прежде всего Катя, – думал я. Так обмануть меня. Какая же она сука».

«Ветреная» – прозвучало слово из уст моей мамы, данное Кате в качестве основной характеристики.

Что ж, я не возражал.

«Ветреная сука», – хотелось назвать её, но язык не поворачивался.

«Катюша, как же я люблю тебя, – шептал я бессонными ночами. – Если бы ты только вернулась ко мне, я бы всё простил. Мы бы сразу поженились, чтобы уже никогда не расставаться. Как же я люблю и хочу только тебя».

Зацикленный мозг не знает пощады, я и раньше влюблялся, но никогда мои душевные страдания не заходили так далеко. Видимо, потому, что Катюша всё же дала мне изначально зелёный свет, а потом просто перекрыла кислород.

Отказаться от любви к Кате я не мог. «Искать другую бабу? Зачем? – думал я. – Какая глупость. Ведь я люблю только Катю».

Её сладкие губки, юркий язычок, пьянящий, те страстные объятия и потом её испуг, она будто натешилась, поиграла в любовь и дала задний ход, – всё это прокручивалось в моей головке незамысловатым сюжетом одного грустного фильма. Постепенно я вызревал, терпкое раздражение, любое упоминание о Кате в разговоре с мамой вызвало бурю скрытой агрессии с моей стороны.

Катя звонила мне пару раз, чтобы поинтересоваться как дела. Я больше не рассыпался в признаниях в любви. Мне казалось, она звонит исключительно за тем, чтобы потешить своё женское самолюбие.

– Нормально, – отвечал я и умолкал.

Этим обвинительным молчанием в трубку я осуждал её на презрение. Бросать трубку мне не хотелось.

Вдруг Катя захочет сказать мне что-нибудь очень желанное, например: «прости меня, я люблю тебя, только тебя, просто я дура, полная дура». Тогда моё сердце оттаёт, я вновь расцвету красками любви, моя жизнь озарится, тучи наконец разойдутся, и тёплое солнце пригреет мою продрогшую озябшую душу.

Два раза она предложила мне встретиться. Оба раза поздно вечером. Один раз возле школы, другой – в парке. Я пришёл и вновь молчал. Я выглядел обиженным, я и был обижен на Катю.

Что я мог предложить? Чего она хотела от меня? Продолжить игру по странным правилам, в которой я должен признаваться в любви, а она будет смеяться надо мной? Нет уж. Дудки! Для себя я чётко решил, не идти больше ни на какие уступки.

Я молчал. Временами это было жестоко, я и сам чувствовал, что поступаю уж слишком сурово. Она зовёт меня к себе на свидание, пытается, видимо, утешить. В ответ я бросаю ей единственный укор, отключивший меня от искреннего общения с ней: ты не любишь меня так, как я люблю тебя.

Это был странный, немой укор. Катя пыталась вывести меня на откровенный разговор, вновь заставить говорить по душам. Но я с презрением замкнулся в себе.

«Нет прощения ветреным и безответственным», – договорился я сам с собой.

И ещё: мы всегда в ответе за тех, кого приручили. Эта фразочка Сент-Экзюпери из «Маленького принца», механически переваренная мною в десятом классе на уроке литературы, всплыла теперь как горькое напоминание о том, что все чувства уже давным-давно пережиты, все развития и любовные страдания пройдены, что ничего нового я для себя не открою, хоть мне и кажется, что мой опыт с Катей уникален.

6

Так заканчивался год моей первой настоящей влюблённости. Я познал любовь, но не познал счастья, познал женскую изменчивость, но не увидел вагины, не испытал оргазма в лоне юной прелестницы Катюши Климовой.

«Жизнь продолжается», – утешал я себя, готовясь к зимней сессии.

Снежные сугробы по пояс сковали город. К концу декабря вдарил мороз, гололёд на дорогах веселил студентов, наблюдавших за пробуксовкой общественного транспорта.

Возвращаясь холодными вечерами из университета, я часто замечал одинокие парочки, гулявшие по парку. Эти влюблённые умудрялись целоваться даже на тридцатиградусном морозе. Почему-то чужое счастье в любви особенно остро фиксировалось мною на радаре жизненных ценностей.

Наконец наступил долгожданный день – тридцать первое декабря.

В тот день почти сразу после боя курантов я вышел вместе с братом погулять по улице. Повсюду пускали фейерверки, взрывали петарды. Народ в пьяном угаре вывалил на мороз и ломанулся к центральной ёлке микрорайона. Там уже вовсю рвали два баяна. Мы тоже с братом от нечего делать пошли в сторону ёлки. По дороге встретили его одноклассников, брат отделился.

Неожиданно я обнаружил Катю и Олю. Они снова были вместе, неразлучные соперницы в любви и целомудрии. Обе девушки держались со мной развязнее, чем по одиночке. Я сразу догадался по их заплетавшимся язычкам, разгорячённым, покрасневшимся личикам и задорно светящимся глазкам, что обе они подшофе. Катя вела себя инфантильно, повалилась в снег, устроила бесперспективный бой в снежки с бывшими одноклассниками. Они с радостью закружили её, засыпали снегом. Мы с Олей держались в сторонке, а потом и вовсе пошли подальше от общего веселья.

Какая-то неразрывная нить удерживала нас вместе, некое безмолвное взаимопонимание. Видимо, наши мамы договорились до ручки на столько, что ничего лишнего уже и добавить было нечего.

Мы нашли замёрзшую лужу, раскатанную днём детьми, и принялись танцевать. Оля учила меня вальсировать.

– Раз-два-три. Раз-два-три, – приговаривала она.

Её тонкие ножки в шерстяных колготах легко расходились в стороны. Подчиняясь ритму, я не мог не заметить, с каким усердием Оля следит за правильным выполнением всех рекомендаций. Казалось, она решила всю жизнь свою посвятить исправлению моих неуклюжих па.

– Классно у тебя получается, – заметил я.

– У тебя тоже получится, если будешь стараться, – Оля была непреклонно.

– Я устал и хочу спать, – мой зевок вывел её из равновесия.

От смеха она повалилась в сугроб и заржала тихим визгом. Как дикая козочка или овечка блеяла, заглядывая на меня вверх слезящимися водянисто-прозрачными глазками. Она тоже, как и Катя, имела голубовато-серый цвет глаз.

– Ты пьяна, – я криво усмехнулся. – Давай я тебя домой проведу.

– А я, может, не хочу домой, – сказала она, словно бросая вызов. Голос её наполнился дерзким азартом. – Я, может, хочу ещё в гости зайти.

– К кому? – я пялился на это чудо в длиннющей до самых колен болоньевой зимней куртке, которая словно чулок покрывала Олино худое вытянутое тело.

– Вот не знаю пока. Никто не приглашает, – Оля наигранно вздохнула.

Поднявшись, она отряхнула попу и, взяв меня под локоть, потащила к ёлке.

– Ну хочешь, к нам зайдём. Мама, наверное, ещё не спит.

Я усмехнулся, представив себе эту картину: мы с Олей в два часа ночи заваливаемся на порог, идём в зал, садимся за праздничным стол, разливаем остатки шампанского по бокалам, пьём, разговариваем шёпотом. Потом танцуем под тихо льющуюся из телевизора музыку.

Я не испытывал к Оле влечения сексуального характера. Странно, как можно относиться к идеальной во всех отношениях девушке-куколке прохладно. То есть, я был с ней предельно искренен, как с другом, как с тем же Алексом, например. Не стесняясь в деталях рассказал о том, что произошло между мною и Катей. Конечно, я не драматизировал и не выставлял страдания напоказ. Наоборот, праздничное настроение подсказывало мне, как красиво и в шуточной форме выставить себя немножко простофилей, где-то рыцарем, чуть-чуть романтиком.

Всё сошлось, Оля легко проглотила наживку. Она не выразила явного сочувствия, но по загадочному блеску её глаз, по тому, как она сильнее схватила меня под локоть, я вдруг почувствовал её поддержку.

– Меня тоже однажды обманули, – едва слышно задумчиво произнесла она.

Я не стал вдаваться в расспросы, лишь хмыкнул легонько.

«Что ж, – думал я, – в нашем полку прибыло. Теперь понятно, почему она такая участливая до моих обстоятельств».

Вспыли наши короткие встречи ещё в былые времена, когда мой брат встречался с ней. Всё-таки люди знакомятся постепенно, нужно время, чтобы составить о человеке мнение. Олино мнение обо мне меня тайно радовало и пугало.

Всё случилось примерно так, как я себе это представлял. Если не считать того, что целоваться мы начали уже на общем балконе. Выйдя из лифта, мы решил по традиции заглянуть зачем-то на общий балкон. Полюбоваться микрорайоном, усеянным пьяными группами людей. Они валялись в снегу, играли в снежки, пускали фейерверки. Всё светилось и гремело, будто наступил апокалипсис.

Новогодняя вакханалия была в самом разгаре, когда я, приобняв Олю со спины, прильнул к ней всем телом, будто навис над ней. Мой приподнятый подбородок уткнулся ей в ухо. Она восприняла моё дружественное объятия по-своему. В действительности же я не желал ничего интимного. У меня и в планах не было её целовать. Такое бывает. Просто хочется по-дружески приобнять хорошо знакомую девушку, с которой весь вечер так хорошо общался, которая учила тебя танцевать на льду, которая сама прижималась и трогала тебя за руки, плечи, спину и шею весь вечер. То есть, в этом объятии со спины я нашёл для себя лишь дружеское чувство душевного соития.

«Мы вместе, мы – сила. Нам хорошо вместе, – хотел я сказать этим объятием. – Пускай нас никто не любит, но есть чувства гораздо важнее и слаще глупой любви. Дружба, например».

Кроме того, всеобщее праздничное настроение и алкоголь в разгулявшейся крови послабили границы дозволенного. И Оля, и я явно не планировали и не строили планов друг на друга. Мы даже не планировали встретиться на улице! Так случайно получилось.

Она выкрутилась и прильнула к моим губам. Сладкий поцелуй мигом вскружил нам головы. Неловко улыбаясь, я перешёл к активным действиям. Недавний опыт с Катей показал, как правильно засовывать язык в рот девушке. Как вытягивать её губы, как ловить язычок.

Оля ошалела от французской страсти не меньше моего. Я зафыркал смешками, оторвавшись от губ. Она тоже. Обнимаясь, мы тёрлись носами и вновь находили губы. Что-то безмолвное вдруг взорвалось между нами и наполнило нас смыслом.

– Ты всё ещё хочешь зайти? – игриво спросил я.

Я попытался вложить в интонацию шуточную угрозу. Ведь теперь расклад был другой. Я ни капли не сомневался, что Оля улизнёт, я лишь вызовусь проводить её.

– А мне есть чего бояться? – она мигом встала в театральную позу.

Этого ей не занимать. Оля и ножку выставит вперёд как на подиуме и лицом не ударит в грязь в ответственный момент.

Мы опять захихикали.

– Только моей мамы. Но она уже спит, – ответил я.

– Тогда идём, – загадочным голосом произнесла Оля.

Такого поворота я никак не ожидал.

«Что она задумала? – думал я. – Скорее всего, будет морочить голову, как Катя. Что ж, посмотрим кто кого».

Внутренне я злорадствовал. Ухмылялся про себя. Ведь я не испытывал сексуального влечения к Оле. Даже поцелуй, распаливший уснувшие чувства, казался лёгким напоминанием о той щемящей душу страсти, чёрной и жгучей, которая вспыхнула у меня к Кате.

Мы бесшумно проникли в квартиру, разулись, скинули куртки и проследовали в зал. Там действительно нас ожидал праздничный стол. Электрические свечи с имитацией пламени создавали романтическую обстановку. Телевизор включать мы не стали. Всё как-то сразу переросло в поцелуй.

Теперь, оказавшись в тепле и относительно уединении, мы как-то сразу расслабились и принялись наслаждаться магией возбуждающих поцелуев. В голове моей не было гениальных планов признаться Оле в любви или встать на колени и предложить руку и сердце. Всё это осталось за бортом, в океане нерастраченной любви к Кате.

Очень скоро я почувствовал, что Оля, в отличие от меня, испытывает гораздо более серьёзные душевные страдания. Её рука скользнула вниз по моему свитеру и ковшиком обхватила ширинку джинсов. Она удерживала и гладила мой член и яички. Вялая эрекция начала наполнять трусы изнутри. Я усмехался в нос, хмыкал, довольно покачивая торсом. Мне по-прежнему казалось, что всё это – всего лишь игра в любовь, и если у нас и будет секс, то не настоящему, а так, чтобы развлечься, отпраздновать Новый год эротической составляющей.

Оля вдруг опустила передо мной на колени и полезла пальчиками расстёгивать ширинку. Оля была в вязанном чёрном платье и серых шерстяных колготах. Длинным распущенные волосы гладкой волной рассыпались за её спиной. Я с удивлением наблюдал, как она вытаскивает мой разбухший член из ширинки и берёт его в рот. С удивлением, потому что я никак не мог себе представить, что у неё возникнет такое желание. Поцелуй ещё ладно, взаимные ласки – пожалуй. Даже секс, механическое проникновение эрегированного члена в возбуждённое влагалище, – вполне себе логичный вариант развития наших неуставных дружеских обнимашек. Но то, что она захочет сосать мой член, страстно вылизывать его, нырять на него, вытягивать и разглаживать тонкую кожу, пока головка не вылезет полностью, застынет, раскрывшись в максимальном приливе крови, – этих развитий я никак себе представить не мог.

К счастью моему в секции оказалась пачка презервативов. Я давно на неё засматривался. Она лежала без дела, хоть никакого дела, собственно, под неё и не планировалось. Отношения с Катей зашли в тупик, я не так представлял себе использование резины по назначению.

Мои решительные действия по надеванию презерватива вызвали у Оли лёгкую панику. Она дикой козочкой запрыгала по ковру.

– А если мама проснётся? – с ужасом зашептала она, поглядывая на дверь.

– Мы услышим, как она идёт. Не бойся, – руками я нашёл Олину худенькую попку, пальцами нащупал долинку, обозначившую ягодицы.

Поддавшись моему весу и весомости доводов, Оля повалилась на диван. Увлекаемый вниз, я потянул её дальше на ковёр. Стянув толстое одеяло с кресла, подстелил его под Олину спину и попу.

Мы вновь слились в поцелуй. В этот раз я действовал активно не только языком, но и руками. Мне хотелось трахнуть эту худую, как доска, скучающую без настоящего мужчины рядом, соску. Странно, как может разыгаться фантазия во время прелюдии, оживить похотью происходящее. Именно этой перчинки мне и не хватало с Катей, чтобы взять своё.

То, что принадлежало мне по праву, постанывало теперь на полу, придавленное моим стокилограммовым телом.

Задрав платье на живот, я стянул Олины колготы вместе с трусами до колен и сложил худышку пополам. Её тонкие ножки разошлись в коленках, сложились в щиколотках. Нежная розовая писечка с лёгкой чёрной порослью на лобке манила яркими ощущениями. Уткнувшись в неё головкой вздыбленного члена, я продолжил складывать Олю под собой. Она ещё дальше вверх закинула щиколотки, гибкая, как кошка, обхватила меня за плечи. В этот момент я и прорвался сквозь узкую дырочку, соскользнул медленно и чётко до конца по горячему плотно сдавливающему члену влагалищу.

Замерев над Олей, я приник к её рту губами. Она лежала с прикрытыми веками, приоткрытый рот выражал то ли муку, то ли готовность страдать. Невольно я улыбнулся, хмыкнул и поцеловал её.

– Тебе не больно? – шёпотом спросил я.

Она легонько помотала головой, приобняла меня за плечи.

Я заелозил, наслаждаясь глубоким проникновением. Всё Олино влагалище, её худенький таз сжимали меня в паху. Мой член, словно сук вросший в лобок, продолжил поступательные движения. Я решил насладиться этим актом до конца.

В моей голове проснулся эгоизм!

Чувство, которое я отгонял и которого стыдился с Катей, вдруг сыграло со мной злую шутку. Я хотел насладиться сексом, не думать о любви. Хотел буравить Олю, трахать её худенькое безгрудое тельце подростка. Доставать её до конца своим двадцатисантиметровым членом.

Увлёкшись, я не заметил, как Оля подо мною наполнилась смазкой. Что-то сыграло в ней на пользу, она вдруг выгнулась в тазе, и член мой стал глубже прибывать её к ковру. Яйца мои опустились на нежные ягодицы. В такой позе я вдруг начал глубоко и гладко влетать в Олю, постепенно ускоряясь.

Я бы мог закончить упражнение, чувствуя приближение оргазма, но коварный чёртик в голове потребовал продолжения банкета, и я не мог отказать ему в этом. Я начал делать небольшие передышки с глубоким засаживанием. Головка находила что-то упругое, упиралась, видимо, в Олину матку. От этих передышек Оля подо мной плавилась ещё больше. Она вдруг начала царапать меня ногтями, как ненормальная, и кусаться в придачу.

Дотягивая до неё ртом, я находил зубы. Она высасывала мой язык и кусала его. Олины ногтики больно впивались в плечи и спину. Я успел скинуть с себя свитер и майку. Джинсы болтались на щиколотках.

«Если мама проснётся, – думал я, – успею натянуть их и застегнуть».

Вся спина покрылась горячими разводами Олиных отметок. Как так получилось, что я не испытывал боли в тот момент? Ума не приложу. Мне вдруг страстно захотелось трахать её до некой точки.

«Сам-то я кончить всегда успею, – думал я. – А вот она пускай получит по заслугам. В следующий раз хорошенько подумает на общем балконе, прежде чем соглашаться».

Всхлипы подо мной слегка напугали меня.

«Всё-таки ей больно?» – напрягся я.

Но ножки Оли, окончательно освободившиеся от колготок, забили меня по спине, сцепились в щиколотках и притянули к тазу. Засовывать язык в Олин рот, чтобы она не шумела, я больше не рискнул. Вместо этого отправил указательный палец в её распахнутый стонущий рот. Она ловила воздух, глазки по-прежнему были закрыты, дышала она громко и навзрыд. Палец пришёлся весьма кстати. Как жадно она принялась его сосать! Как младенец, оторванный от материнской груди часа на четыре.

Чувствуя нарастающий хаос в Олиных теряющих всякий благопристойный вид реакциях, я перешёл к заключительной фазе, как мне казалось. Я наконец решил кончить в то, что на тот вечер стало открытием сезона.

Разогнавшись, как ненормальный, я запрыгал во влагалище, выбивая из него остатки терпения. Смазка разлеталась на яйцах, дырочка стала послушной и не спешила закрываться, когда я вылетал. В этот момент скулящая дырка подо мной впиалась когтями в спину с немыслимой силой. Я понял, что момент счастья для этой бестии настал. Она агонизировала, билась, как припадочная, сжимая меня руками и ногами, больно закусывая палец. Влагалище Олино тоже ждалось, придав фрикциям дополнительный шарм. Мой член, давно превратившийся в бесчувственную накаляющуюся удовольствием палку, окончательно потерял связь с хозяином, то есть, со мной. Его взрыв, мощь его толчков, самопроизвольно выстреливающих спазмами удовольствия, затмили мозг, разорвали реальность на «до» и «после».

Я решил дотрахать красотку до конца. Провалился и там, глубоко упираясь в матку, буровил её брызгами разлетающейся спермы, остающейся в презервативе. Горячее семя наполнило презерватив, слилось с горячим лоном моей красавица. Она лежала в полной отключке и лишь вяло водила рукой по моим истерзанным в кровь плечам и спине.

– Я люблю тебя, – жалостливо прошептала она. Рука её нашла мою шевелюру, зарылась в неё. – Витенька.

Что я мог ей ответить ей? Признаться в любви? Я не чувствовал привязанности. Этот безумный секс стал самым невероятным откровением в моей двадцатиоднолетней жизни. Почему это произошло? Куда может привести такая однобокая любовь? Меньше всего мне хотелось сделать Оле больно. И уж точно бросать её в тот момент я не собирался.

«Пускай всё катится к чертям! – думал я. – Будь, что будет. Будем трахаться, как черти. А нет, так на нет и суда нет».

Мой лучший друг женского пола, удовлетворённый судя по всему по самое не балуйся, игриво поскуливал подо мной, разливаясь в щенячьих ласках, пока я доставал член.

Улыбка вновь застыла на моих губах. Я не мог не смеяться тихонько про себя. Так всё спонтанно и круто произошло. С Катей я распланировал жизнь до внуков и внучек. А с Олей стоило только заикнуться на общем балконе, как вот она уже втюрилась в меня по уши и души во мне не чаёт.

Я, конечно же, отправился проводить её домой. На её крыльце мы вновь страстно целовались. Это были поцелуи обоюдной благодарности, если такие бывают. И Оля, и я несомненно испытали колоссальное потрясение в ту Новогоднюю ночь.

– Неплохо год начинается, – заметил я.

Оля захихикала.

– Моя мама говорит: как Новый год встретишь, так и проведёшь, – радостная улыбка озарила её разрумившееся светящееся счастьем личико.

– Жесть, – я выпучил глаза.

Так мы и разошлись с хохотом. Было уже три часа ночи. Спать после такого страстного и во всех отношениях удачного секса хотелось, хоть спички в глаза вставляй.

7

Двойное отношение к Оле смущало меня наигранностью сценария. С одной стороны, я не испытывал к ней глубоких чувств, её худоба скорее смешила, чем вызывала должный трепет. С другой – я всё же испытывал эйфорию сексуального порядка.

Мы продолжили кувыряться с завидной регулярностью. Первое смущение прошло. Попривыкнув друг к другу и приноровившись доставлять удовольствие, мы искали утех в разнообразии поз и комбинации орально-мануальных ласк.

Оля оказалась чрезвычайно страстной особой, временами мне начинало казаться, что это не я трахаю её брэнное худое тело, затыкиваю её до оргазма, а она выжимает меня без остатка. Так, как сношались мы, оставаясь вдвоём в трёхкомнатной квартире, где я жил с братом и мамой, не сношались просто влюблённые. Это был дикий секс двух обезбашенных, отключённых от жизни животных мужского и женского пола. Молодых и пышущих здоровьем к тому же.

Однажды, гуляя с Олей по парку, я заметил вдалеке Катю. Она была с подругой и тоже гуляла. Мы шли навстречу, но в какой-то момент эта парочка развернулась и пошла назад.

– Ну вот! – оживился я. – Похоже, Катя не очень-то рада нас видеть.

Оля молчала и лишь критично кривила губы.

– Ты с ней общаешься или как? – спросил я, внутренне давясь от смеха.

– Общаюсь иногда, – Оля сильнее сжала мой локоть, нахмурилась.

В другой раз, возвращаясь с метро домой, я встретил Катю на автобусной остановке.

– Привет, – радостно просиял я.

Отношения с Олей сильно повлияли на моё повседневное расположение духа. Я тащился от безнаказанного, халявного можно сказать, секса без обязательств. Внутренняя расслабленность и полная уверенность в себе и своём умении соблазнять красоток постоянно превалировали в мыслях. Я наслаждался ролью доминанта.

– Привет, – жалостливо проскулила моя бывшая пассия. Она была простужена, шмыгала носиком, улыбалась через силу. – Как дела?

– Как видишь, – я похлопал себя по животу. – Сметаны – во! Молока – во! – выпячивая глаза, я улыбался в тридцать две жемчужины.

Катя захохотала и тут же забухала, захлопала носом. Достав платочек из кармашка синей курточки, принялась сморкаться.

– Болееешь? – спросил я, хмурия брови.

– Да так... – она отмахнулась. – У меня зимой всегда кашель, – она смотрела на меня странным пристальным взглядом. Будто с завистью или тайной злостью. – Как там дела у Оли? – спросила она.

Я ухмыльнулся. Катя спрашивает у меня, «как там дела у Оли». Тут есть, о чём поразмыслить на досуге!

– Оля совсем совесть потеряла! – я опять гневно выпучил глаза.

– Чего так? – Катя улыбалась краешками губ, предчувствуя очередную шутку-прибаутку.

– Не ест ничего! Ты видела, какая она худая стала? – я хмурился, улыбаясь сквозь завесу суровости на лице.

Катя отвернулась, делая вид, что смотрит, не идёт ли автобус. Автобуса не было, и выглядывать из остановки не имело смысла. Она была стеклянная. То есть абсолютно прозрачная. Просто Катя скрывала смущение или другое чувство, возникавшее на лице. Мне кажется, она дико злилась на меня. Она бы с преобладающим удовольствием стукнула меня, отоварила бы в плечо кулаком. Я чувствовал её ярость за версту. Ещё когда мы встречались, притирались так сказать, она часто становилась в позу, требующую полного подчинения. Попробуй только

пикни, она сразу окатит абсурдом осуждения. Моя бывшая обезбашенная фурия. В этот раз всё было иначе. Катя, обезглавленная, не имела полномочий, не чувствовала себя в праве злиться, требовать, командовать. Она плавала в прострации, в которой сверженные монархи плавают десятилетиями, находясь в глубокой эмиграции. То есть жопа.

– Ну так покорми её! – она приняла шуточно-гневный вид. – У тебя же сметаны – во! Молока – во! – блестящие голубые глазки метали искры. Катя давилась от презрения.

– Есть покормить! – я вытянулся по стойке смирно, по-военному поднёс натянутую ладонь к виску, отдал, так сказать, честь. – Разрешите идти?

Катя заржала, в этот раз без злости:

– Идите, – проблеяла она сквозь слёзы, проступившие на глазах, и сопли, вновь потёкшие из носика.

И я отправился кормить мою худосочную новоиспечённую подружку сметаной. Строевым шагом протопал по пустынной дорожке, вырезанной в снегу. Мне было смешно и нелепо исполнять Катин приказ. Дело в том, что возле подъезда меня действительно ждала Оля. Мы договорились встретиться в три.

– Привет, – сладким голоском пропела моя худышка.

– Поступила жалоба на вас, – сразу принял я боевой настрой. – Вы, Ольга, слишком мало кушаете.

Оля захихикала.

– Поэтому с сегодняшнего дня будем кормить вас силой, – я схватил её за попу под курткой и прижал к себе. Нашёл ртом тонкие губки и впился поцелуем.

– Чем кормить? – Оля усмехалась, её личико сияло от счастья.

– Колбасой и сметаной, – серьёзная мина ни на секунду не покидала моё озабоченное выражение лица.

Оля, ведомая за руку к лифту, растерянно улыбалась.

– Какой колбасой? Если варёной, то я такую не ем. Сметана должна быть меньше пяти процентов.

Лифт приехал, я запихнул это чудо в перьях в лифт и нажал на кнопку седьмого этажа.

– Сметана абсолютно обезжиренная, как раз как ты любишь, – ухмыляясь, я нажал на кнопку «стоп». Лифт замер где-то посередине пути. – Прошу к столу, кушать подано, – устало добавил я.

Оля смотрела на меня непонимающим взглядом испытателя.

Взяв её за руку, я помог пальчикам растегнуть ширинку и вытянуть набухший член. Хихикая в носик, Оля опустила передо мной на корточки. Расставив ноги пошире, я закрыл глаза и расслабленно поплыл в горячем рту моей неугомонной соски.

Она обожала сосать член. С первой новогодней ночи Оля ни разу не упускала возможности присосаться ко мне как пиявка. Я дивился её жадности, страстному желанию начать секс с продолжительного минета. Примерно в нашу третью или четвёртую встречу она почти довела отсос до конца.

– Ты не боишься, что я могу кончить? – спросил я, приподнимая голову с подушки.

– Не-е-ет, – проворковала она.

– А если подавишься? – я ухмылялся, разглядывая свой напряжённый член в её тонких пальчиках, как он вот-вот готов прыснуть семенем, а она даже не подозревает, какой огромный заряд мужской бодрости её ожидает.

– Я постараюсь не подавиться, – Оля оседлала мои колени, опустила ртом на головку, взглядом нашла моё томящееся удовольствием выражение лица.

– Тогда не спеша, – я погладил её по щеке пальцем, поднялся ладонью к виску, погладил мою кошечку по водопаду волос, рассыпавшихся у меня в паху, соскользнувших по Олиной спине и плечам на кровать. Я купался в этих чистых бескрайних водах русых волос. Они щеко-

тали яйца, набухшие семенем, страждущие излиться орехи проскальзывали в липкой розовой мошонке под Олиными пальчиками. Обхватывая член у корня, она захватывала и часть мошонки, часто с интересом прощупывала содержимое, с любовью кормящей матери исследовала большое хозяйство.

Я же думал в этот момент о том, как мне не напрягаться. То есть совсем расслабиться, улететь умом и телом в райский сад, центром которого является дерево жизни – мой член, так ласково и живо обласкиваемый заботливым ртом. Незаметно момент настал, подступил очень медленно и неизбежно пик эйфории. Доведённый до кипения стержень покрылся зудящим удовольствием. Любое лишнее прикосновение вызывало болезненный срыв, дисбаланс. Чаша весов наклонилась, и я излился содержимым яичек в Олин рот. Она аккуратно глотала, высасывая меня вокруг головки. Глазки её, прикрытые, символизировали покорность, готовность принимать меня через семя. Я ещё долго не мог прийти в себя от полученного опыта. Впервые кто-то глотал моё семя с такой самоотдачей. Олино старание доставить мне удовольствие сравнимо было разве что с моим стремлением затрахивать её не спеша до шенячьего оргазма. Она пицала и кусалась, царапалась и отбивалась каждый раз, когда я приводил её к алтарю согласия. Она, моя козочка, как необъезженный мустанг, брыкалась и сходила с ума подо мной. Я же работал на износ, чтобы затрахать её до полубморочного состояния. Теперь, кончая её в рот, я пожинал плоды стараний. Благодарность и раболепие лились в меня через её ласковый рот, она склонялась над идолом счастья, поклонялась фаллосу плодородия, моя дикая богиня страсти.

Нужно ли повторять, что оставшись с Олей в замкнутом пространстве лифта, пообещав ей сметаны и колбаски, я не смог устоять перед соблазном покормить девочку очередной дозой семени. Она вновь опустилась передо мной на корточки, как в Новогоднюю ночь, вновь с жадности и рвением сосала мой член, помогая себе рукой. Облокотившись на стенку лифта, я нашёл упор в поручне, наклонился вперёд. У меня не было сил к сопротивлению. Эта жадная соска рвалась к победе, радостно хлопала ротиком, причмокивала и постанывала. Видимо, тот факт, что мы находимся в лифте, а не в квартире, будоражил Олины нервы. Она боялась быть застигнутой врасплох, целующейся на общем балконе, что уж и говорить о минете в лифте или сексе в Новогоднюю ночь, когда мама возлюбленного спит в соседней комнате и в любую секунду может нагряться с проверкой. Риск быть схваченной с поличным заводил Олю с пол-оборота. Я только через некоторое время осознал, что моя осознанная тяга к экстремальным условиям является лишь блеклой тенью её неявно выраженного загнанного в подкорку похотливого стремления эпатажно проявить себя.

Любое действие, притягивающее внимание, любой риск, вызывающий восхищение, пускай и внутреннее, как самолюбование, заводили Олю. Она становилась развратной экстремалкой, стоило мне лишь заикнуться с предложением пошалить. В этот раз я недолго усердствовал лукаво. Откинувшись назад, я схватил соску за головку и принялся чёткими движениями месить всё, что осталось у неё во рту, в горячую кашу. Две руки сковали движения Олиной головы, я подчинял её насаживанием, я приучал её становиться послушной горячей дыркой для моего члена, мой кол влетал в неё, натываясь на заднее мягкое нёбо, вытрахивая её с потрохами, до горлового хрипа и носового гудения, до слёз посыпавшихся из глаз явно не потому, что ей было больно или она страдала, вовсе нет, она не пыталась оттолкнуть меня, просто став для меня дыркой, она невольно почувствовала всю мощь моей похоти, обрушившейся на её маленький, с детства не знавший сметаны и колбасы рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.